

УДК 81'1. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131. ББК Ш10.
ГРНТИ 16.21.07. Код ВАК 5.9.8

РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Береснева В. А.

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6587-1953>

SPIN-код: 9173-4623

А н н о т а ц и я. Статья посвящена одной из классических и в то же время наиболее дискуссионных проблем общего языкознания – проблеме сущности языка. Среди лингвистов обнаруживаются разночтения в толковании сущности языка. Этот один из основополагающих вопросов языкознания, несмотря на длительную историю его изучения, очевидно, до сих пор не получил своего окончательного разрешения.

В настоящей работе предлагается концепция сущности языка как особого системного объекта, имеющего свою уникальную структуру и собственные законы эволюции. В усвоении обучающимися содержания данной концепции, как представляется, должен получить свое завершение методический процесс раскрытия сущности языка. Определение способа раскрытия сущности языка как развивающегося во времени целого – цель нашей работы.

Исходя из постулатов о системно-структурной организации мира и происходящих в мире эволюционных процессах, опираясь на философские законы и психологические закономерности как то, что служит для понимания сущности системного объекта, как предварительное условие для освоения объекта, проходящего разные стадии в своем развитии, автор приступает к реализации поставленной цели, выявляя на данном этапе важные системно-структурные и эволюционные характеристики сознания. Далее на материале временных форм немецкого языка показывается, как данные характеристики объективируются в языке, воплощающем работу сознания.

Исследование обнаруживает чрезвычайную сложность такой фундаментальной проблемы общего языкознания, как сущность языка, проливает свет на онтологический статус языка и может быть использовано при разработке общезыковедческой концепции сущности языка. Поскольку в работе также сделаны наблюдения о структурной формально-содержательной асимметрии в языке как ингерентном явлении лингвомыслительной деятельности человека, представлены размышления о диаде «язык – сознание / мышление», то полученные данные могут иметь значение и при рассмотрении данных вопросов.

Используемый в работе исследовательский подход позволил автору внести посильный вклад в общее дело выявления сущности языка и наметить способы ее раскрытия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общее языкознание; сущность языка; развивающееся во времени целое; методический аспект

Д л я ц и т и р о в а н и я: Береснева, В. А. Раскрытие сущности языка (методический аспект) / В. А. Береснева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 123–131. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131.

A DESCRIPTION OF THE ESSENCE OF LANGUAGE (METHODOLOGICAL ASPECT)

Viktoria A. Beresneva

Vyatka State University (Kirov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6587-1953>

A b s t r a c t. The article deals with one of the classical and at the same time the most controversial problems of general linguistics – the problem of the essence of language. Linguists demonstrate various interpretations of the essence of language. This is one of the fundamental issues of linguistics; despite the long history of its study, it has obviously not yet received its final resolution.

The article presents a conception of the essence of language as a special systemic object with its own unique structure and its own laws of evolution. The methodological process of highlighting the essence of language should be realized in the students' understanding of the content of this concept. The aim of the study is to work out the methods of revealing the essence of language as one whole, developing in time.

Based on the postulates about the systemic-structural organization of the world and the global evolutionary processes, drawing on the philosophical laws and psychological patterns, and trying to find out what serves to understand the essence of a systemic object, as a prerequisite for the development of an object going through different stages in its development, the author proceeds to implement the goal, identifying at this stage important systemic-structural and evolutionary characteristics of consciousness. Then, using the material of the tense forms of the German language, it is shown how these characteristics are objectified in the language embodying the work of consciousness.

The study reveals the extreme complexity of such a fundamental problem of general linguistics as the essence of language, sheds light on the ontological status of language, and can be used in the development of the general linguistic conception of the essence of language. As long as the work also makes observations of the structural formal-semantic asymmetry in language as an inherent phenomenon of human linguistic thinking and presents the reflections on the dyad “language – consciousness / thinking”, the data obtained can be significant for the solution of these issues.

The research approach used in the work allowed the author to make a feasible contribution to the overall task of highlighting the essence of language and to outline the methods of its identification.

Key words: General Linguistics; the essence of language; a whole developing in time; methodological aspect

For citation: Beresneva, V. A. (2024). A Description of the Essence of Language (Methodological Aspect). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 4, pp. 123–131. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-123-131.

Введение

В преподавании общего языкознания вопрос о сущности языка, несмотря на свою классичность, является, на наш взгляд, одним из наиболее дискуссионных. Едва ли найдется солидное лингвистическое учебное издание, не затрагивающее данной проблемы, и в то же время имеются некоторые сомнения относительно достаточной убедительности – по меньшей мере исчерпанности – представления обсуждаемой темы.

Предлагаются различные подходы к исследованию сущностных характеристик языка. Приведем некоторые весьма авторитетные способы в изучении данного вопроса. Так, В. А. Пищальникова и А. Г. Сонин – пролагая путь к выявлению сущности языка – прибегают вначале к демонстрации разного понимания языка, обусловленного «сменой парадигм в истории становления лингвистических исследований» [Пищальникова 2009: 78]. Избрав в качестве отправного пункта для своих рассуждений рассмотрение сущности языка в философских концепциях, заостря особое внимание на антиномиях языка, раскрываемых В. фон Гумбольдтом, авторы приступают далее к обсуждению «собственно лингвистического понимания сущности языка». Изложив традиционные и «альтернативные» точки зрения на сущность языка, В. А. Пищальникова и А. Г. Сонин разбирают в заключение вопросы о «соотношении социального и биологического в языке» и «функциях языка как проявления его сущности» [Пищальникова 2009: 78–103].

Н. Ф. Алефиренко предваряет описание «проблемы природы и сущности языка» экскурсом в историю изучения этой «центральной проблемы общего языкознания» [Алефиренко 2013: 14]. Представляя современные интерпретации сущности языка, автор, в частности, выделяет когнитивные и онтологические концепции, высказывает замечания о языке и речи в рамках характеристики «двойственной природы языка», предлагает свое определение языка, говорит о «биологических предпосылках возникновения языка» и «генетических истоках естественного звукового языка» [Алефиренко 2013: 19–42].

При рассмотрении вопросов сущности языка Ю. А. Левицкий обращается к положениям о «языке как объекте действительности», соотношении «языка и мышления», «знаковом характере языка», «понятии значения», «формах существования языка». В ходе изложения данных вопросов автор обращает внимание на такие моменты, как проблема определения языка, существование «гносеологических и онтологических» «точек зрения на язык», «функции языка, «характер языкового мышления», «роль понятия в языковом мышлении человека», «влияние языка на мышление», «основные компоненты языкового (системного) значения слова», проблема «истории языка в связи с историей общества» и др. [Левицкий 2013: 9–86].

Называя в книге «Очерки по общему языкознанию» вопрос о том, «что такое язык», «извечным вопросом», а «проблему природы языка» –

«самой существенной проблемой» [Звегинцев 2009: 11–12], В. А. Звегинцев, предлагающий «истолковывать» свою книгу «в качестве стимула к созданию учебника общего языкознания» [Звегинцев 2009: 4], считает необходимым начинать «огромную и чрезвычайно ответственную работу» по «определению природы языка» «с изучения и критического рассмотрения тех определений природы языка, которые дает нам современное языкознание» [Звегинцев 2009: 11]. С этой целью автор разбирает «в первую очередь» «теорию знаковой природы языка», «критический анализ» которой «дает возможность вывести некоторые заключения о действительной природе языка» [Звегинцев 2009: 12–53]. Поскольку «система знаков <...> не способна к развитию по самой своей природе», а «основной положительный вывод заключается» именно «в том, что язык, в противоположность любой подлинной системе знаков, находится в состоянии непрерывного развития», В. А. Звегинцев «приходит к таким чрезвычайно важным для языкознания понятиям, как понятия системы и структуры» [Звегинцев 2009: 53–54], исследует «структурный характер языка» [Звегинцев 2009: 53–75] и «формулирует» в качестве завершения своих рассуждений «определение языка» [Звегинцев 2009: 74–75].

Уже в Предисловии к своему учебному пособию «Основы общего языкознания» Ю. С. Степанов говорит об «общественной природе» языка [Степанов 1975: 4]. Значимость данного положения автор обнаруживает, например, также в следующей цитате из работы «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса: «<...> язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Степанов 1975: 162].

Также и Ю. В. Рождественский подчеркивает «общественную сущность языка» [Рождественский 2012: 35]. Он замечает, что «язык всегда изучается как явление, которое характеризует общество» [Рождественский 2012: 57], что «язык является такой компонентой общества, в которой отражаются многие, если не все неязыковые стороны общественного организма» [Рождественский 2012: 59].

Ю. С. Маслов, характеризуя сущность языка, предлагает после рассмотрения вопросов о «его общественных функциях», о «языке как важнейшем средстве человеческого общения, орудии формирования и выражения мысли» обратиться к проблеме «языка как своеобразной знаковой системы» [Маслов 2005: 9–36].

Отметим в завершение обзора некоторых – несомненно, получивших широкое признание – существующих концепций о лингвистических и методических аспектах проблемы сущности языка, что эта проблема, несмотря на ее подчас эксплицитную невыраженность, может тем не менее имплицитно присутствовать в повествовании с возможными средствами ее разрешения, как это,

например, имеет место в учебнике В. Б. Касевича, акцентирующем «биологические аспекты языка» и «основные функции языка» [Касевич 2012: 7–14].

Даже представленного весьма сжатого анализа учебной литературы по теме сущностных характеристик языка достаточно, чтобы заключить, что, несмотря на длительную историю осмысления языка, специалисты до сих пор не могут прийти к единому пониманию данного явления. Что, к примеру, есть язык: живой организм, социальный факт или феномен, возникающий при взаимодействии организма со средой? Наличествующее множество определений языка и аспектов его изучения обнаруживает, очевидно, чрезвычайную сложность обсуждаемого феномена.

В настоящей работе мы – и до нас об этом отчетливо, как представляется, ранее об этом не говорилось – хотим показать, что язык есть развивающееся во времени целое, что язык как особый системный объект обладает не только собственной структурой, но также и своими, внутренними законами развития. Усвоение обучающимися данного тезиса, который самым лаконичным образом выражает наше понимание языка и который, безусловно, будет пояснен и обоснован нами в основной части статьи, является, на наш взгляд, тем, что должно быть получено в завершение методического процесса раскрытия сущности языка. Определение способа раскрытия сущности языка как целого, находящегося в процессе развития, обусловленном самой природой анализируемого системного объекта, и представляет основную цель нашего исследования.

В осмыслении / презентации внутренней логики становления и развития системных объектов наиболее плодотворны два момента. Во-первых, постижение в опоре на существующие учения о системно-структурной организации мира и происходящих в мире эволюционных процессах сути универсальных принципов системности и развития. А во-вторых, применение философских законов и психологических закономерностей как ключа к раскрытию сущности системного объекта, как предпосылки для освоения объекта, проходящего разные ступени в своем развитии.

Материалы и методы

Исходя из разделяемого нами представления о языке как объекте действительности (В. фон Гумбольдт и его последователи), правомерно говорить об онтологической (от др.-греч. ὄν, род. п. ὄντος – сущее, то, что существует + λόγος – учение, наука) сущности языка. Исследование онтологической сущности языка предполагает привлечение философии, поскольку именно философия «занимается темой бытия специально и профессионально» [Введение в философию 2002: 341].

Язык, в истолковании специалистов, – «это форма, через которую выходят вовне, объективируются отдельные результаты, процессы работы сознания» [Введение в философию 2002: 361]. Для понимания языка следует, таким образом, обратиться к осмыслению сознания. Опираясь на

разыскания специалистов о данном чрезвычайно сложном феномене, изложим вкратце наиболее значимые для нашего исследования вопросы.

Процессы сознания, согласно воззрениям ученых, включены в сферу «духовного (идеального)» как одной из «основных форм бытия» [Введение в философию 2002: 350]. Духовное представляет собой «единство многообразного» – такова неотъемлемая характеристика бытия мира. Причем это единство существует объективно, «вне и независимо от воли и сознания человека» [Введение в философию 2002: 342–358]. Заметим, что учение о единстве мира, восходящее, по-видимому, к Гераклиту [Флоренский 1914: 155], получившее в философии дальнейшее развитие и применение, нашло отображение и в науке о языке. Так, А. М. Пешковский, определив слово как «конгломерат» многих значений, подчеркнул, что «это не простое множество, не простая сумма слагаемых, а множество в единстве, или вернее, единство во множестве» [Пешковский 2007: 175].

Единство «бесконечно разнообразных» объектов мира обеспечивается такими всеобщими свойствами материи, как структурность и движение [Введение в философию 2002: 364–365]. Любой объект материального мира рассматривается «в качестве системы, то есть особой целостности, которая характеризуется наличием элементов и связей между ними», а устойчивые связи и отношения между элементами системы – как ее структура [Введение в философию 2002: 365–366]. Что касается движения, то выделяют два его основных типа. В противоположность первому типу движения, при котором качество предмета сохраняется, второй тип связан с «появлением новых качественных состояний», с «развертыванием потенциальных возможностей, скрытых и неразвернутых в предшествующих качественных состояниях», и называется развитием [Введение в философию 2002: 375].

В исследовании объективируемой языком работы сознания человека как совокупности психических образов продуктивно обсуждение таких фундаментальных психологических закономерностей, как ассоциация и апперцепция. Ограничимся некоторыми необходимыми для настоящей статьи замечаниями.

Термином «ассоциация» обозначается в науке закономерная связь идей. Идеей, или мыслью, смыслом, концептом (Б. Рассел), называется приобретающий сравнительно определенную форму результат содержания сознания [Словарь философских терминов 2007: 527]. «Специфическую форму» «всякое содержание тотчас же принимает» «благодаря» своей структуре [Философский энциклопедический словарь 1997: 423].

Весьма ценным представляется замечание о том, что «благодаря ассоциациям сознание человека может выйти за пределы непосредственно данного, расширив внутреннее поле своей деятельности. Речь идет о “вторичном восприятии”, когда образ восприятия соотносится не с объективной реальностью, а с имеющимся знанием <...>» [Словарь философских терминов 2007: 39–40].

В связи с вторичным восприятием уместно говорить об апперцепции. Апперцепция может быть определена как «зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания психической деятельности человека» [Ярошевский 1960: 84].

Глубокое осмысление вопрос апперцепции получил в научном творчестве А. А. Потебни [1989: 105–123]. Из основных идей А. А. Потебни выделим необыкновенно пронизательное замечание исследователя о том, что результатом взаимодействия двух «стихий» апперцепции, а именно воспринимаемого и объясняемого, с одной стороны, и совокупности мыслей и чувств, которой воспринимаемое и объясняемое подчиняется и посредством которой оно объясняется, с другой, всегда является нечто новое, не сходное ни с одной из них [Потебня 1989: 110].

Для обозначения этого «нового», как представляется, может быть использован термин «превращенная форма». Понятие превращенной формы детально исследовано М. К. Мамардашвили. Под превращенной формой ученый понимает результат сложного взаимодействия элементов системы, скрывающий (делающий незаметным) и замещающий собой это взаимодействие. Несмотря на то, что данное замещение передает внутренние отношения системы не непосредственно, а «косвенно», новое «формообразование» самостоятельно существует в системе как «качественно цельное явление». М. К. Мамардашвили подчеркивает «нерасчлененный», «синкретический» характер превращенной формы, обеспечивающий такое функционирование системы, при котором отсутствует необходимость в явном выражении всех ее взаимоотношений [Мамардашвили 1992: 270–278].

В научном изучении внутренней закономерности развития системных объектов весьма конструктивны базовые законы развития, сформулированные создателями теории всеединства. Повидимому, наиболее релевантен для нашего исследования «общий закон всякого развития», обоснованный и обоснованный В. С. Соловьевым.

О данном законе, согласно воззрениям мыслителя, можно говорить лишь применительно к «живым организмам». «Живой организм» истолковывается В. С. Соловьевым как живое целое, состоящее из множества внутренне взаимосвязанных элементов. Ни безоговорочно простая субстанция, ни механическое внешнее объединение компонентов не могут быть причислены к развивающемуся. Им может выступать только «живой организм». Не о любом изменении, происходящем в организме, отмечает В. С. Соловьев, можно говорить как о его развитии. Последнее имеет место исключительно при условии, если изменение происходит из самого развивающегося и испытывает потребность в воздействии извне лишь для своего окончательного проявления.

В. С. Соловьев выделяет в законе развития три состояния: исходную ступень развития, цель развития и промежуточные ступени как переход от начальной ступени развития к конечной. В пер-

вичном состоянии развития элементы организма смешаны, связаны между собой чисто внешне. В заключительном состоянии они соединены внутренне, отвечают своему назначению и дополняют друг друга вследствие своей внутренней общности. Внутреннее единство элементов имеет условием их предыдущее вычленение, поскольку они не могли бы войти во внутреннее единство как самостоятельные компоненты организма, если бы вначале не получили эту независимость через обособление. Именно это обособление и является ступенью, находящейся посередине между начальной и конечной ступенями развития, представляет собой второй момент развития.

Возможные сомнения относительно непреложности перехода от второго состояния к третьему В. С. Соловьев мастерски развеивает следующим образом. Выделение каждого компонента целого непременно сопровождается его устремленностью к устранению всех остальных компонентов. В силу того, что такая устремленность свойственна всем компонентам, они уравниваются друг друга. При этом речь идет не о простом равновесии, которое могло бы иметь место в случае идентичных компонентов. Поскольку таковых в организме быть не может, компоненты целого уравниваются друг друга в соответствии со своим внутренним характером и назначением [Соловьев 1990: 141–145].

По общему закону развития в эволюции сознания человека обнаруживаются, таким образом, две ступени объединения его образующих элементов. В случае внешнего объединения концепты, образующие содержание сознания, существуют лишь в потенции, пребывают в смешении. В состоянии внутреннего объединения компоненты сознания восполняют друг друга согласно своему предназначению. Это внутреннее объединение элементов сознания предполагает их предшествующее отмежевание, обусловленное развитием научного постижения существующей реальности. Внутренняя взаимная связь концептов при вторичном восприятии формирует, в русле терминологии М. К. Мамардашвили, «превращенные» синкретические феномены, качество которых обусловливается взаимодействием двух «стихий» апперцепции – по системе терминов, предложенной А. А. Потебней.

Результаты

Поскольку язык, как было указано выше, в силу своей доступности восприятию воплощает работу сознания, логично заключить, что системно-структурные и эволюционные характеристики сознания должны найти в языке собственную объективацию. И в самом деле поликонцептность сознания онтологизируется в языке как системное совмещение сигнификативных функций одним языковым знаком, смешение образующих элементов сознания на ранних ступенях эволюции человечества вызывает безразличие содержательных элементов на ранних стадиях развития языка, а внутреннее объединение компонентов сознания проявляется

как органичное сочетание содержательных элементов языка, их свободный синтез. Проиллюстрируем ниже на хорошо знакомом нам материале временных форм немецкого языка некоторые общие существенные наблюдения по теме нашего исследования (подробное изложение обсуждаемых вопросов представлено в: [Береснева 2011]).

На случай, если возникнут сомнения относительно достаточности используемого иллюстративного материала как средства для раскрытия сущности языка, приведем гениальную цитату из И. А. Бодуэна де Куртенэ: «...если мы обратим внимание на то обстоятельство, что племенных и народных языков может быть несколько тысяч, а человеческой жизни, даже при самых больших способностях, хватает на познание только маленькой частицы этой массы, то окажется, что лингвистика как законченное целое есть и останется всегда лишь недостижимым идеалом. Никакая книга не может представить целой системы языкознания. Никакая человеческая голова не в состоянии объять всю массу относящихся сюда фактов. Каждый из исследователей языка держит в своей голове только отрывок, только небольшой обломок целого, который дает ему возможность дойти до общего взгляда на целое и создать себе менее или более точную картину языковой жизни вообще» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 206].

Итак, обращаясь к избранному нами языковому материалу, отметим, что все временные формы сочетаются в системе языка несколько функций. Одна из них отображает первоначальную объективную информацию. Остальные же функции, делая явным толкование информации, являющейся следствием первоначальной информации, обозначаются как коннотации. Под коннотациями следует при этом понимать содержание языкового знака, когда он употребляется в своей производной номинативной функции. Содержание языкового знака в данной ситуации формируется благодаря ассоциативно-образному пониманию обозначаемой реалии. Коннотативное бытование временных форм, обнаруживающее их метафорическое использование, как представляется, является «озвученным» [Философский энциклопедический словарь 1997: 280] продуктом работы ассоциативно-апперцептивного мышления.

Иллюстрируя далее индифферентное слияние содержательных составляющих языка на начальных стадиях развития языка, обусловленное смешением содержательных элементов сознания на ранних этапах эволюции человечества, обратим внимание на вызванное нерасчлененностью в восприятии временных предметов, а именно – в данном конкретном случае – настоящего и будущего, обнаруживаемое в древневерхненемецком языке обозначение будущего времени презенсом: *tânno vallit, prinnit mittilagart* («месяц **упадет**, **сгорит** средняя земля») (пример из поэмы «Муспилли», цит. по: [Жирмунский 1965: 293]; выделение наше. – В. Б.), выражение своеобразного «настоящего-будущего» [Жирмунский 1965: 293].

Совсем другая ситуация, свободный синтез

содержательных элементов грамматической категории времени наличествует в современном немецком языке. Поясним сказанное на следующем примере.

Морфема «презенс» эксплицирует в современном немецком языке значение настоящего, то, что переживается как непосредственная данность. Это, однако, не мешает презенсу замещать при определенных обстоятельствах временные формы «претерит» и «футурум I». Значения прошлого (в случае замещения презенсом претерита) и будущего (в случае замещения презенсом футурума I) лишь, в отличие от значения настоящего, присутствуют в функционале презенса не эксплицитно, а имплицитно. Но о равнозначности презенса и претерита / футурума I при этом говорить нельзя. Презенс отнюдь не дублирует работы замещаемых форм, поскольку все временные формы передают специфические, только им свойственные «переживания времени» [Гуссерль 1994: 12].

Прошлое, к примеру, всегда существует в воспоминании, доступно через воспоминание. Но воспоминание может вершиться по-разному. Посредством претерита мы можем передать только воспоминание, случившееся между прочим. Воспоминание здесь «смутно», о «повторяющем воспоминании» речи вести нельзя [Гуссерль 1994: 40].

Ассоциативно-апперцептивный характер нашего мышления позволяет реализовать и другую форму воспоминания – «действительно воспроизводящее <...>, повторяющее воспоминание». В этом случае мы «как бы снова воспринимаем» «временной предмет» [Гуссерль 1994: 40].

Претерит не может выразить такого «прошлое, но как будто настоящего». Презенс, однако, за счет своей внутренней формы (она, по-видимому, может быть определена как «непосредственно воспринимаемое»), в состоянии передать это «воспроизводящее», «повторяющее» воспоминание. В качестве иллюстрации приведем пример из романа К. Вольф «Образы детства»: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetüterten Tischherrn ab...* [Wolf 1983: 119] (*На эту вот балюстрада Шарлотта Менцель теплой июньской ночью 1925 года **усаживает** своего, мягко говоря, захмелевшего кавалера...* [Вольф 1989: 109]). Изображаемое при этом событие «псевдоактуализируется»: повествуется о событии, воспринимаемом образно, а не действительно.

В случае подобного употребления презенса проявляется парадигматическое совмещение им разных функций (оно же является и условием такого употребления), в вышеприведенном примере – парадигматическое совмещение презенсом функций по выражению «настоящего относительно актуального момента» и «прошедшего относительно актуального момента». Результат взаимодействия этих содержательных элементов презенса, проистекающий из их внутреннего единства, – «превращенная форма» «псевдоактуализированное прошлое» как «синкретическое», «нерасчлененное» (ср.: «прошлое» + «псевдоактуализация») «формообразование».

Функция презенса по выражению настоящего относительно актуального момента представляет собой передачу первичной объективной информации. Функция выражения презенсом прошлого (равно как и будущего) раскрывает смысл вторичной информации, передаваемой через посредство первичной информации, является коннотацией, языковым тропом.

А сейчас изложим свои наблюдения, хотя и несколько выходящие за рамки предмета, обозначенного в начале раздела, но все-таки являющиеся логическим продолжением его изучения, в том плане, что это изучение неизбежно приводит к вопросу о структуре исследуемых языковых форм. В связи с этим выскажем следующие соображения.

Обсуждаемые в работе «превращенные» образования как «качественно цельные явления» объединяются в одно целое с качеством их материального носителя (применительно к рассматриваемой в данном разделе временной форме – с качеством презенса). Следствием дополнения содержательной составляющей презенса «настоящее относительно актуального момента» со стороны содержательных составляющих «прошедшее относительно момента актуального» и «будущее относительно актуального момента» является нейтрализация (снятие противопоставления) разных темпоральных признаков на уровне единой формы презенса. Нейтрализация, в свою очередь, влечет за собой обнаруживаемое в системе языка сопряжение сигнификативных функций презенса. Такое сопряжение, совмещение, функций мы называем парадигматическим синкретизмом языковой формы (в нашем случае – презенса) (см. об этом подробнее в: [Береснева 2011]).

В заключение раздела выразим надежду, что представленный в нем фактический материал в достаточной мере – в рамках весьма ограниченного пространства настоящей статьи – иллюстрирует и обосновывает выдвинутый нами тезис о сущности языка как развивающемся во времени целом.

Обсуждение результатов

Осмысливая значение данных, полученных в ходе нашего исследования, выскажем следующие замечания.

Во-первых, если принимать во внимание такие приведенные во Введении к настоящей работе ключевые слова, как «система», «структура», «развитие», то ближе всего к нашим воззрениям и задачам настоящего исследования, по-видимому, окажется толкование языка, предложенное В. А. Звегинцевым. Весьма созвучным нашим взглядам является его мнение о том, что «формой <...> существования языка «является развитие, и это развитие подчиняется определенным законам» [Звегинцев 2009: 53]. В. А. Звегинцев отмечает, однако, далее, что «язык развивается не самопроизвольно». «Развитие языка обуславливается его функциями – служить средством общения и орудием мышления». «<...> язык находится в непрерывном изменении и развитии» постольку, поскольку «в постоянном изменении и развитии» находятся «потреб-

ности общения и мышления» [Звегинцев 2009: 53–54]. Из суждения исследователя можно заключить, что язык развивается не в силу присущих его природе законов развития, а по внешним причинам. С этим мнением В. А. Звегинцева мы не можем безоговорочно согласиться, так как полагаем, что язык, несмотря на его теснейшую связь с сознанием и мышлением человека, все-таки, будучи объектом действительности, располагает своими имманентными законами развития. И в то же время мы вполне солидарны с ученым, что «формы развития языка в значительной степени обуславливаются теми его конкретными элементами, которые составляют язык, и теми отношениями, которые внутри языка складываются между этими конкретными и реальными элементами» [Звегинцев 2009: 54].

Во-вторых, выявленное нами парадигматическое совмещение языковым знаком нескольких сигнификативных функций обнаруживает, очевидно, структурную формально-содержательную асимметрию в языке (об асимметричном дуализме языкового знака см. работы С. О. Карцевского и др.). Указанные совмещение и асимметрия представляют собой ингерентные явления лингвомыслительной деятельности человека.

В-третьих, мы неслучайно используем выше термин «лингвомыслительный». Размышляя над обсуждаемой в работе диадой «язык – сознание / мышление», мы склонны рассматривать язык и сознание / мышление в непосредственной связи, единстве.

Как известно, вопрос взаимосвязи языка и мышления / сознания человека является краеугольным камнем проблематики языкознания, а взгляд лингвиста на соотношение данных феноменов в значительной мере определяет концептуальное восприятие им других языковедческих феноменов. Мы солидарны с теми учеными, которые обращают внимание на органическую связь языка и мышления, с теми, кто полагает, что «без языка, вне его, мысль не проявляется и вообще не существует», что «неправомерно говорить о каком-либо» «параллельном существовании» языка и мышления, и что «лишь научная абстракция может направлять свой интерес преимущественно» либо на язык, либо на мышление, «не нарушая при этом их реального, исконного единства» [Колшанский 2012: 17–21].

Заключение

Итак, в данной статье мы предприняли попытку разрешения проблемы раскрытия сущности языка. На сегодняшний день нет единого подхода к рассмотрению этого фундаментального вопроса языкознания. В связи с этим представляется вполне уместным перефразирование известного изречения А. Ф. Лосева о существующем понимании языкового знака [Лосев 1976: 89]. В нашем случае данное выражение могло бы принять следующий вид: «Может быть, только обыватель продолжает понимать, что такое язык, а специалисты уже давно утратили точное и единообразное понятие

языка, в результате чего возникают споры в тех областях науки, которые раньше считались самоочевидными».

Воспринимая, вслед за великими учеными, язык как объект существующей реальности, мы предложили исследование онтологического статуса изучаемого феномена в опоре на достижения философии и психологии, поскольку именно эти научные дисциплины профессионально занимаются онтологической проблематикой, специально изучают вопросы сознания и мышления человека, процессы которых и результаты их деятельности объективируются языком.

Заметим справедливости ради, что такой исследовательский подход мы применили первоначально к научному изучению языкового синкретизма, о котором вскользь упоминаем выше. И он,

на наш взгляд, оказался вполне успешным: благодаря ему нам удалось обосновать лингвистический синкретизм как воплощение и рефлексию единства мира. Более того, в одной из своих работ мы рассмотрели лингвистический синкретизм в качестве метода современного языкознания, состоящего в последовательном применении определенных шагов [Береснева 2014: 19–21]. В настоящей работе, действуя, кажется, вполне в духе приведенного ранее замечания И. А. Бодуэна де Куртенэ, держа в голове лингвистический синкретизм в качестве «небольшого обломка целого», мы постарались посредством этого «отрывка» «дойти до общего взгляда на целое», внести свою лепту в общее дело обнаружения сущности языка и определения пути ее раскрытия.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Общее языкознание. История и теория языка: Интегрированный курс / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 310 с.
- Береснева, В. А. Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / В. А. Береснева ; отв. ред. В. А. Татаринков. – Киров : ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА», 2011. – 246 с.
- Береснева, В. А. К вопросу о методе лингвистического синкретизма / В. А. Береснева // Актуальные проблемы лингвистики XXI века / отв. ред. В. Н. Оношко. – Киров : Издательство ВятГГУ, 2014.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 385 с. – URL: https://www.phantastike.com/other/trudy_yazykoznaniiyu/djvu/view/ (дата обращения: 30.06.2023). – Текст : электронный.
- Введение в философию : учеб. пособие для вузов / авт. колл.: И. Т. Фролов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2002. – 623 с.
- Вольф, К. Образы детства / К. Вольф ; пер. с нем. Н. Федоровой ; редкол.: А. Небензя, Н. Литвинцев, И. Млечина [и др.] ; предисл. К. Хёнке и Т. Мотылевой. – М., 1989. – 431 с.
- Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени : пер. с нем. / Э. Гуссерль ; сост., вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, 1994. – 192 с.
- Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Высшая школа, 1965. – 408 с.
- Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с. (Из лингвистического наследия В. А. Звегинцева.)
- Касевич, В. Б. Введение в языкознание : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Б. Касевич. – 3-е изд., стер. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с.
- Колшанский, Г. В. Логика и структура языка / Г. В. Колшанский. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 240 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
- Левицкий, Ю. А. Общее языкознание : учебное пособие / Ю. А. Левицкий. – Изд. 5-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 266 с.
- Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/losev_a_f_problemy_simvola_i_realisticheskoe_iskusstvo_1976_ocr.pdf (дата обращения: 03.08.2023). – Текст : электронный.
- Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили ; сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Прогресс, 1992. – 415 с.
- Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. С. Маслов. – 4-е изд., стер. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
- Пешковский, А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды : учеб. пособие / А. М. Пешковский ; сост. и науч. ред. О. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 2007. – 800 с. : ил. – (Сер. «Лингвистика XX в.»)
- Пищальникова, В. А. Общее языкознание : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 448 с.
- Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Потебня А. А. Слово и миф / сост., подг. текста и прим. А. Л. Топоркова ; отв. ред. А. К. Байбури ; предисл. А. К. Байбурина. – М. : Правда, 1989. – С. 17–200.
- Рождественский, Ю. В. Лекции по общему языкознанию : учебное пособие / Ю. В. Рождественский. – М. : ИКЦ «Академкнига» ; ООО «Добросвет», 2012. – 362 с.
- Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2007. – XVI, 731 с.

Соловьев, В. С. *Философские начала цельного знания* / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева ; прим. С. Л. Кравца [и др.]. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1990. – С. 139–288.

Степанов, Ю. С. *Основы общего языкознания : учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов* / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 272 с.

Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 576 с.

Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П. А. Флоренский. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914. – 814 с.

Ярошевский, М. Апперцепция / М. Ярошевский // *Философская энциклопедия* : в 5 т. Т. 1 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская энциклопедия, 1960. – С. 84–85.

Wolf, Ch. *Kindheitsmuster*. 8. Aufl. / Ch. Wolf. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. – 534 S.

References

Alefrenko, N. F. (2013). *Obshchee yazykoznanie. Istoriya i teoriya yazyka: Integrirrovannyi kurs* [General Linguistics. History and Theory of Language: An Integrated Course]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik». 310 p.

Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 385 p. URL: https://www.phantastike.com/other/trudy_yazykoznaniiyu/djvu/view/ (mode of access: 30.06.2023).

Beresneva, V. A. (2011). *Lingvisticheskii sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya* [Linguistic Syncretism: Ontology and Epistemology]. Kirov, OAO «Pervaya Obratstovaya tipografiya», filial «Dom pechati – VYaTKA». 246 p.

Beresneva, V. A. (2014). K voprosu o metode lingvisticheskogo sinkretizma [On the Question of the Method of Linguistic Syncretism]. In Onoshko, V. N. (Ed.). *Aktual'nye problemy lingvistiki XXI veka*. Kirov, Izdatel'stvo VyatGGU.

Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. (1997). Moscow, INFRA-M. 576 p.

Florensky, P. A. (1914). *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The Pillar and the Affirmation of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Tovarichestvo tipografii A. I. Mamontova. 814 p.

Frolov, I. T. et al. (2002). *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. 2nd edition. Moscow, Respublika. 623 p.

Husserl, E. (1994). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. Moscow, Gnozis. 192 p.

Kasevich, V. B. (2012). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. 3rd edition. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 240 p.

Kolshansky, G. V. (2012). *Logika i struktura yazyka* [Logic and Structure of Language]. 3rd edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 240 p.

Kuznetsov, V. G. (Ed.). (2007). *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow, INFRA-M. XVI, 731 p.

Levitsky, Yu. A. (2013). *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. 5th edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 266 p.

Losev, A. F. (1976). *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of the Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo. 367 p. URL: https://imwerden.de/pdf/losev_a_f_problemy_simvola_i_realisticheskoe_iskusstvo_1976__ocr.pdf (mode of access: 03.08.2023).

Mamardashvili, M. K. (1992). *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. 2nd edition. Moscow, Progress. 415 p.

Maslov, Yu. S. (2005). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. 4th edition. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 304 p.

Peshkovsky, A. M. (2007). *Lingvistika. Poetika. Stilistika: Izbrannye trudy* [Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected Works]. Moscow, Vysshaya shkola. 800 p.

Pishchalnikova, V. A., Sonin, A. G. (2009). *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 448 p.

Potebnya, A. A. (1989). *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. In Potebnya, A. A. *Slovo i mif*. Moscow, Pravda, pp. 17–200.

Rozhdestvensky, Yu. V. (2012). *Leksii po obshchemu yazykoznaniiyu* [Lectures on General Linguistics]. Moscow, IKTs «Akademkniga», OOO «Dobrosvet». 362 p.

Solovyev, V. S. (1990). *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. In Solovyev, V. S. *Sochineniya: v 2 t. Vol. 2*. 2nd edition. Moscow, Mysl', pp. 139–288.

Stepanov, Yu. S. (1975). *Osnovy obshchego yazykoznaniiya* [Fundamentals of General Linguistics]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie. 272 p.

Wolf, Ch. (1983). *Kindheitsmuster*. 8. Aufl. Berlin, Weimar, Aufbau-Verlag. 534 S.

Wolf, K. (1989). *Obrazy detstva* [Images of Childhood]. Moscow. 431 p.

Yaroshevsky, M. (1960). *Appertsepsiya* [Apperception]. In Konstantinov, F. V. (Ed.). *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. Vol. 1*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 84–85.

Zhirmunsky, V. M. (1965). *Istoriya nemetskogo yazyka* [The History of the German Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 408 p.

Zvegintsev, V. A. (2009). *Ocherki po obshchemu yazykoznaniyu* [Essays on General Linguistics]. 2nd edition. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 384 p.

Данные об авторе

Береснева Виктория Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам, Вятский государственный университет (Киров, Россия).

Адрес: 610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: novofamily@rambler.ru.

Author's information

Beresneva Viktoria Alekseevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Vyatka State University (Kirov, Russia).

Дата поступления: 09.02.2024; дата публикации: 28.12.2024

Date of receipt: 09.02.2024; date of publication: 28.12.2024